

	Проект	«СпецИстория»
	Цикл передач	«Реформы Гайдара»
<i>Творческая группа</i> <i>СпецИстория</i>	Материал	Стенограмма ТРЕТЬЕГО выпуска

<u>Кургинян</u> <u>Сергей Ервандович</u>	политолог, президент МОФ-ЭТЦ	далее Кургинян
<u>Бялый</u> <u>Юрий Вульфович</u>	вице-президент по научной работе МОФ-ЭТЦ	далее Бялый
<u>Новиков</u> <u>Владимир Владимирович</u>	кандидат исторических наук, ведущий аналитик МОФ-ЭТЦ	далее Новиков

Интернет-телевидение ЕСС.TV представляет цикл передач «Реформы Гайдара» в рамках проекта «СпецИстория». Выпуск третий.

Хроника: 5 сентября 1991 года V съезд народных депутатов СССР, приняв «Декларацию прав и свобод человека», объявил переходный период для формирования новой системы государственных отношений, подготовки и подписания Договора о Союзе суверенных государств. 6 сентября три прибалтийские республики: Латвия, Литва и Эстония вышли из СССР.

АЛЬПБАХСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Новиков: В сентябре 1991 года в небольшой тирольской деревушке Альпбах недалеко от австрийского Инсбрука проходила конференция, организованная международным фондом «Центр исследования

экономических реформ» при поддержке Либерти-фонд. На конференции оказалось несколько российских экономистов, включая Петра Авена, который к тому моменту уже, видимо, является своего рода международным связником группы молодых реформаторов, Сергея Васильева, Константина Кагаловского, Виталия Машица, Виталия Найшуля, Алексея Улюкаева, Анатолия Чубайса и Андрея Иларионова. И что интересно, будущего зам. министра внешнеэкономических связей в правительстве Гайдара, министра в правительстве Черномырдина и главного претендента на роль экономического идеолога антигайдаровской оппозиции Сергея Глазьева. Вот такой парадокс, о котором у нас как бы не принято вспоминать, да и не вспоминают. А, тем не менее, он был. В кулуарах конференции возникает главный вопрос повестки дня: где можно проводить реформы? В СССР или уже в суверенной России? Эта линия, как мы помним, идет от Шопронского семинара. И конечно путч 91-го года и уже наметившаяся дезинтеграция СССР сделала такие дискуссии, безусловно, актуальными. Но был ещё один, по воспоминаниям Андрея Иларионова, стимул обсуждать этот вопрос – это активизация деятельности Явлинского на посту заместителя председателя Комитета по управлению народным хозяйством СССР. Председателем Комитета был бывший российский премьер Иван Степанович Силаев. Вот эта развилка, идущая от Шопрона, окончательно расходится в Альпбахе. Для ответа на вопрос о месте проведения реформ участниками этой конференции пишется документ, получивший название «Альпбахской декларации». Документ публикуется 28 сентября 1991 года в «Независимой газете». Ответ «альпбахцев» на вопрос очень прост: либеральные реформы по их схеме можно провести только в суверенной России. Там же в тексте декларации уже говорится о нецелесообразности какого-либо дальнейшего сохранения СССР и любых надреспубликанских структур управления. Этот меморандум – своего рода полный разрыв гайдаровской команды с

Явлинским. Тот хотел проводить свои преобразования если не в СССР, то в какой-то постСССРовской конфедерации. А гайдаровская команда говорит: нет, никаких реформ в масштабах советского пространства. Нужна только суверенная Россия. И этот меморандум конечно же коррелировал и с московской властной борьбой, и с теми дискуссиями, которые шли в международных кругах, о чем и скажем ниже.

ДОГОВОР ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Из газеты «Известия» от 19 октября 1991 года: Итак, то, что состоялось в Кремле 18 октября вечером, становится фактом истории. Руководители восьми республик подписали «Договор об экономическом сообществе суверенных государств».

Бялый: После ГКЧП, после путча политическая ситуация в стране была совсем взбаламученная. Никто не понимал, что можно и что нужно дальше делать. Но, тем не менее, идея горбачевская о Союзе суверенных государств, о рыхлой конфедерации, в которой уже и автономии России и других республик могли бы приобрести статус равноправных конфедеративных субъектов, оставалась жить. И под эту идею, которая многим элитным группам в республиках, особенно в автономиях, казалась крайне «вкусной», начала строиться некая программа, которая называлась «Экономическое содружество суверенных государств». По сути это был извод или ремейк «экономического содружества суверенных республик» из программы Явлинского, тем более нежизнеспособный, потому что в тот момент уже было ясно, что центральные банки всех республик ССГ готовы сами печатать деньги и сами устанавливать свои бюджеты и вовсе не желают делиться с союзным, центральным бюджетом. Но, тем не менее, как в сентябре уже было произнесено, в режиме «цивилизованного развода» эта идея была реанимирована и некоторое время обсуждалась. Обсуждалась она даже до подписания «Беловежского соглашения», после чего тихо умерла и была забыта. Но в последующей полемике о том, что

могло бы быть, если бы не путч, если бы СССР не развалился, до сих пор некоторыми политическими деятелями и в России, и бывших советских республиках вспоминается в позитиве. Уже тогда было абсолютно ясно, что эта идея категорически нежизнеспособна.

Хроника: В конце сентября Егор Гайдар вызвал своих ленинградских соратников в Москву, где на 15-й госдаче в подмосковном Архангельском готовились планы радикальных реформ и шел подбор кадров в ещё не сформированное правительство.

Из интервью Сергея Васильева журналу «Forbes» 11 марта 2010 года:

Вопрос: А как группа, которая собралась на 15-й даче, осознавала свою дальнейшую роль? – Я думаю, изначально было ясно, что это будущее правительство. Уже в середине октября были расписаны посты. Вопрос: Вы спросили у Гайдара, на кого он работает? – Как на кого? На Головкова с Бурбулисом. (Сергей Васильев: В 1991-1994 годах – руководитель Рабочего центра экономических реформ при правительстве РФ)

Новиков: А вот теперь стоит вернуться и к московской внутривластной борьбе, и международным дискуссиям, на фоне которых была принята альпбахская декларация. Сразу после ГКЧП, в последних числах августа 1991 года в отставку отправлен премьер РСФСР Иван Силаев. И.о. премьера становится Олег Лобов. В конце октября и.о. премьера становится сам Ельцин, получивший у съезда народных депутатов РСФСР чрезвычайные полномочия. В начале ноября первым вице-премьером, а с лета 92-го и.о. премьера становится Егор Гайдар, который получает полный карт-бланш на проведение, как экономической политики, так и на формирование команды. Однако ещё в начале сентября 91-го года на 15-й госдаче в Архангельском собирается группа Гайдара для подготовки основополагающих документов правительства России. Эта работа не афишируется, о ней не сообщается и для внешних и поверхностных наблюдателей появление Гайдара в качестве первого вице-преьера

является неожиданным. Но уже с конца августа – начала сентября многое становится понятным. В конце сентября – начале октября к работе группы присоединяется Чубайс с группой ленинградских соратников, которые в результате властных коллизий внутри петербургской мэрии оказываются в полуотставке и полуопале у Собчака. Собирают команду на 15-й даче два человека. Первый – это хорошо всем известный Геннадий Бурбулис, тогдашний своего рода идеолог российской власти или человек претендовавший на роль такого идеолога. Второй – менее известный, но оттого не менее значимый Алексей Головков. И если Бурбулис пребывает ныне если не на задворках, то на достаточно скромных позициях в российской политике, то Головков из властной обоймы практически не выходил до самой своей смерти в январе 2009 года. А умер он не просто не политическим пенсионером, а достаточно высоким работником аппарата уже нынешнего российского правительства. Головков – фигура очень закрытая. И в какой-то мере давать ему оценки ещё рано. Однако сказать о нем стоит, хотя бы в общих чертах описать, что это был за человек, какому идеологическому вектору он принадлежал и что он собой знаменовал. Потому что о влиянии этого человека действительно ходят легенды. Начнем с того, что указ о его назначении руководителем аппарата правительства Гайдара был потерян тогдашним руководителем администрации президента Юрием Петровым. Но после звонка Головкова Ельцину и звонка Ельцина Петрову этот указ был обнаружен и подписан, опубликован и вступил в силу. Вот масштаб человека. Скромный научный сотрудник по своей официальной биографии, Головков сумел переиграть матерого аппаратчика Юрия Петрова. Начнем с того, что Головков, несмотря на свои скромные позиции, занимаемые в советские времена, фигура достаточно элитнописанная. По крайней мере, в том, что касается советской военной элиты, её военно-морской составляющей. И Головков, по всем экспертным оценкам, был человеком не просто

антисоветским, антикоммунистически настроенным, но антисоветским и антилиберально настроенным одновременно. В какой-то степени их союз с Гайдаром парадоксален, потому что Гайдар говорил вещи, прямо противоположные. Общим между ними был антикоммунизм, но дальше шла развилка на либерализм и антилиберализм. Но эта развилка позволяла им сосуществовать друг с другом. Кстати, антилиберализм Головкова очень хорошо проявился в последующей эпохе, когда Головков осуществлял помощь избирательной команде далеко не либерального Александра Лебеде и, по некоторым свидетельствам привлекая к этому ещё и Петра Авена. Так что же делало Головкова совместимым с Гайдаром и фигурой, приемлемой для либерального лагеря? Тут следует вернуться к политическим разговорам о том, что правительство Гайдара были «камикадзе», которые должны были сделать некую работу и уйти. Напомним, что нечто подобное произносил Борис Ельцин за несколько лет до своей смерти, и Петр Авен, который тем самым мотивировал своё нежелание идти в постсоветскую политику, сказав, что «мы сделали эту работу, мы понимаем, что никогда не будем любимы обществом. Это плата за то, что нам было позволено эту работу сделать, а в моем случае – ещё и за богатство». Вот примерная такая цитата. Если команда Гайдара – это «камикадзе», то они просто расчищали поляну для действия каких-то других сил. Шоковая терапия гайдаровского образца могла привести к двум результатам: либо к возникновению, появлению серьезных реставраторских сил, либо к передаче политической эстафеты радикальным антисоветским и антилиберальным силам, т.е. той же «русской партии» и стоящей за ней группе. Никаких серьезных реставраторских сил мы за происходящим просматреть не можем, поэтому эту гипотезу мы исключаем. А вот радикальные антисоветские и антилиберальные силы в этот момент в процесс включены были. Головков не скрывал не только своего антисоветизма, но и антидемократизма, и

антилиберализма. А были и более высокие фигуры. Вроде бы символом этих сил был Юрий Скоков. Но мне кажется, что к Юрию Скокову всё не сводится, что были и другие фигуры, находившиеся в сложных отношениях и с тем же Скоковым, и с Ельциным, и с Гайдаром, и со многими другими действующими лицами той российской политической драмы. И Головков в этой логике был не случайной фигурой. Он был своего рода опекуном гайдаровской группы от антилиберальных и антикоммунистических сил. Эти силы, та же «русская партия» в этот момент ощущали, что они реально могут получить мандат для проведения своей политики. Во-первых, это им внушали начинающиеся результаты гайдаровской политики. Во-вторых, существовал международный контекст, который позволял этим квазирусским силам получить международный мандат на власть в постсоветской России. Здесь следует вновь вернуться к ситуации после августовского путча в преддверии Беловежья и первых постсоветских месяцев. После ГКЧП стало понятно, что Ельцин и Горбачев более сосуществовать уже не могут. СССР становится всё более эфемерным образованием просто по причине, что республики одна за другой объявляют свой суверенитет. И РСФСР могла стать локомотивом окончательного добивания СССР. Если Россия говорит, что ей тоже никакой союз не нужен, то значит СССР политически больше нет. Это то, что тогдашний лидер Армении Левон Тер-Петросян сказал «Союз мертв». При всём мягко-негативном отношении к моральной стороне этой фразы, тем не менее, политически он констатировал некую реальность. И тут стоит посмотреть на такую, казалось бы, далекую от обсуждаемых нами проблем тему, как отношение к происходящему в СССР в тогдашней администрации Буша-старшего. Американцы, конечно, хотели проигрыша СССР в Холодной войне, максимального ослабления СССР. А некоторые совсем радикальные группы хотели его распада. Но возник момент деструкции Советского Союза. И в этот момент даже самые

ярые антисоветчики не могли не понимать, что с этим надо что-то делать. Всё-таки здесь большое количество ядерного оружия, огромные запасы конвенциональных вооружений, что делать-то? В этой связи укажем на такую интересную вещь как речь Буша-старшего в Верховной Раде Украины за три недели до путча, когда он просто уговаривал Украину не отделяться от СССР, не объявлять собственного суверенитета. За эту речь он потом политически очень сильно потерпел. Что делать с распадающимся государством? Кто-то как госсекретарь Джеймс Бейкер ужасался происходящему и ездил по советским республикам, стараясь изъять у всех, кроме России, ядерное оружие. Основных точек зрения на дальнейшее в окружении Буша-старшего было две. Конечно, с нюансами понимания бушевской команды, их было больше. Первая тенденция – развалить всё до конца, чтобы и РСФСР распалась на рыхлые конгломераты собственных автономий. А вторая – что распад должен ограничиться территорией основных союзных республик, а РСФСР должна получить ядерное оружие, тем самым сохранив постсоветское пространство от ядерного хаоса, который угрожал и Америке. Дальше – всё вопросы дискуссионные. Считалось ли это, что такой полураспад нужен на 15-20 лет, а дальше нужно дальнейшее дробление территории, или никто так далеко не смотрел, а просто хотел уменьшить хаос и собственные риски в ситуации, это всё вопросы отдельные. Но такая точка зрения, чтобы допустить распад по границам союзных республик и не допустить дальше, существовала. И думаю, что к январю 1992 года именно эта точка зрения распада на 15 частей восторжествовала. Но её сторонники хотели иметь гарантии от коммунистической реставрации и неосоветского ирредентизма. Во-вторых, они хотели бы иметь гарантии от того, что не возникло и идеологической реставрации. И, в-третьих, они хотели бы иметь дело с идеологически совместимыми с ними людьми. Этими идеологически совместимыми людьми вполне могла быть, как не

парадоксально это сейчас звучит, та самая «русская партия», которая освободилась бы от окраин, навела жестко авторитарный порядок внутри России, зачистила как либералов, так и коммунистов, и любых левых. Но для того, чтобы была возможность прихода этих сил, нужен был шок, который и обеспечил бы дальнейшую трансформацию российского общества. Этим шоком и стали реформы Гайдара, который позволял этим «русским» в кавычках силам надеяться на свой приход к власти и получение международного мандата на правление в Российской Федерации.

V (ВНЕОЧЕРЕДНОЙ) СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РСФСР

Хроника: 28 октября 1991 года на пост председателя Верховного совета РСФСР избран Руслан Хасбулатов. 1 ноября 1991 года съезд предоставляет президенту дополнительные полномочия сроком на 13 месяцев и позволяет ему лично возглавить правительство.

Кургинян: То, что мы сейчас хотим рассмотреть, на первый взгляд кажется простым и понятным. Но, поскольку многие уже забыли, что происходило 20 лет назад, то я вкратце напомним и постараюсь достаточно наглядно описать политическую сторону происходившего тогда процесса.

До ГКЧП, до поездки ГКЧПистов в Форос с признанием своего поражения ... А между прочим, совершенно не ясно, чтобы происходило, если бы они просто не признали поражение и не поехали в Форос. Это называется психологическим сломом. Игра нервов идет, есть две силы, которые борются, и каждая считает, что у неё есть шансы на победу. Возникает примерное равновесие. Когда одна из сил вдруг признает поражение и начинает осуществлять действия, которые говорят о том, что она проиграла, тогда поражение и оформляется. Оно из потенциального становится явным. А в противном случае оно может и не превратиться в него. Кто-то не выдерживает и делает первым неверный ход. Кто сделал неверный ход, тот и проиграл. Если бы ГКЧПисты не делали вообще

никакого хода (я не говорю, чтобы сделали верный ход), они вполне могли бы и выиграть. Или, по крайней мере, неизвестно, как дальше развивались события. С момента, как ГКЧПисты приняли неверное решение ехать в Форос, говорящее о том, что они психологически сломлены, это естественно обернулось их поражением. Итак, существует момент от начала суверенитетов, борьбы Ельцина, прежде всего, и других республик против союзного центра, до поражения, до поездки в Форос, есть один расклад сил. Есть т.н. консервативные силы, борющиеся за сохранение Союза, есть сам Горбачев и его окружение, и есть силы суверенизаторов. Вот их три. Горбачев всё время объединяется с той силой, которая требует сохранения Союза, совершенно незаслуженно называемой «агрессивно-послушным большинством». Когда эта сила хочет его съесть, он объединяется с демократами. Держит равновесие между двумя силами. Причем сам Горбачев выступает не как человек, который однозначно говорит «я этого развала не хочу». Он не хочет консолидироваться с консервативными силами, он хочет осуществлять свою модель развала, которая на какой-то момент становится более радикальной, чем та, которую осуществляет Ельцин. Борются две модели: модель ССГ Горбачева и модель «Беловежской пуши», суверенной России Ельцина. Модель суверенной России, когда гигантские территории отпадают от России, безумно ущербна. Но модель СССГ Горбачева ещё более ущербна, потому что процесс распада начинает распространяться на саму Россию. И на территории Союза образуется полная каша, в которой не остается даже ядра под названием «Россия». Ельцин ещё сохраняет это ядро, а Горбачев занимается развалом самого ядра и считает, что это вполне допустимо в борьбе с Ельциным для его ослабления. С точки зрения наиболее думающей части консервативного большинства позиция Горбачева ещё хуже, чем позиция Ельцина. В этом существо дела. Это существо дела развивается вплоть до начала ГКЧП. Кстати, ГКЧП фактически началось,

прервав процесс нового союзного договора, того, что называлось ССГ, прервав модель развала Союза, предложенную Горбачевым. На это тоже стоит обратить внимание. После того, как три силы превращаются в композицию из двух сил, ситуация резко меняется. Консервативные силы, требующие сохранения Союза, вынуждены поддержать ГКЧП и вынуждены принять на себя удар тех, кто ГКЧП разгромил. Все консервативные силы оказываются жертвами процесса ГКЧП. Это надо признать. Коммунистическая партия, оказавшаяся заложницей сил, называемых «путчистами», съезд народных депутатов СССР, группа «Союз» и все остальные. Органы государственной безопасности и армия скомпрометированы ГКЧП. Все эти силы парализованы. Исчезает консервативное большинство, которое, если бы оно действовало не по модели ГКЧП, а иначе, могло бы гораздо эффективнее противодействовать тому, что происходит. Но, к сожалению, цейтнот уже существовал. Горбачев был готов двинуть свою карту, свою линию, которую была, и это не все понимают, ещё опаснее линии Ельцина. В этом вопросе существует большая сумятица в мозгах. Мы пытались разбираться в программе «Суд времени» и можно посмотреть, как именно это происходило – в стиле нервной и очень далеко идущей дискуссии. А в данном случае можно обсуждать вопрос гораздо более спокойно. Что лучше: ССГ, повторяющее фактически модели Берии, когда все республики и автономии получают заведомый приоритет, а в центре должны делить всё с остальным населением страны по принципу 50:50, или отделение, когда Россия остается маленькой, но хотя бы она остается неделимой. С моей точки зрения, и то, и другое – плохо, крайне плохо. Россия, освободившаяся не только от окраинных республик, но и от Украины и Белоруссии, освободившаяся от империи, с которой её существование было связано на протяжении столетий и в разных обликах, практически зависает над пропастью. Но она только ещё зависает. А в случае с ССГ Горбачева она

уничтожается сразу и до конца. В этом – тайна ГКЧП. Это вопрос, который надо обсуждать совершенно отдельно. Сколько сил существовало в пределах ГКЧП? В чем вина и заслуга ГКЧП? Почему процесс Горбачева всё-таки был сорван ГКЧП? Почему процесс Горбачева был настолько плох и почему его надо было срывать? В какой мере ГКЧПисты действовали сознательно, ведя тонкую игру, и в какой мере они действовали грубо, в режиме жеста отчаяния? Это отдельное поле вопросов. Сейчас попытаемся зафиксировать, что не только само ГКЧП, но и то, что стояло за ним, было связано с ним, было удалено с политической сцены. Почему нам важно это зафиксировать? Потому что возникает вопрос: так же так, Ельцин начал окончательный развал Советского Союза, он оформил чудовищные «Беловежские соглашения» чуть позже, занимается странной деятельностью перед этим, а вы все стоите, разинув рот, и ничего не делаете. Кто такие «все»? Существовала определенная конфигурация сил: группа «Союз»; КГБ, считая его единым целым и не считая, что часть участвовала в развале; армия, с той же оговоркой; КПСС – огромный аппарат и политическая сила, координировавшая по привычке и КГБ, и армию, и всё остальное. Вот такая конфигурация существовала. Она ведь не была связана собственно с ГКЧП. Но когда ГКЧП было убрано с политической сцены, то, поскольку все эти силы так или иначе оказались заложниками ГКЧП, они были убраны тоже. И Ельцин делал только одно – он их добивал и добивал, и убирал с политической сцены. Кто же остался? Кто мог сопротивляться распаду Союза из организованных сил? Не из газеты «Завтра» и не из ЭТЦ, а из организованных крупных политических сил. Таких сил не было. Все, включая партию, руководить которой Горбачев издевательски назначил Полозкова, потом Купцова, они же не поддержали Ельцина, не осудили ГКЧП и не могли осудить. Значит, что произошло в целом? С политического поля было убрано огромное количество сил. Эти силы не могли «дергаться». Не будем говорить о том,

в каком виде существовало общество вообще, отдельный вопрос. Но на политическом поле остался Горбачев. И значительные части тех сил, которые ещё трепыхались, пытались каким-то образом спросить Горбачева, что хотя бы ради сохранения своей власти он что-нибудь сделает? Горбачев не делал ничего! Он спустился с трапа самолета, прилетев из Фороса, назвал ГКЧПистов чудаками на букву «м», находясь в этот момент в очень специальном состоянии, и понимал, что сейчас его лишили полностью всего консервативного большинства, дальше он балансировать не может. Он должен стоять один на один с Ельциным. Он может снова объявить, что сохраняет Союз, и тогда часть недоразгромленных Ельциным сил может примкнуть к нему. И вопрос состоял в одном – решится ли он это сделать? Да или нет? Он это сделать не решился. Не решился в этот момент защитить Советский Союз. Он не был скомпрометирован ГКЧП, вернее частично скомпрометирован – задвинули в край политической доски и оставили в состоянии пассивного ожидания. Он был реальным президентом, он осуждал ГКЧПистов, кто-то считал его жертвой ГКЧП, у него ещё были некоторые возможности. Он мог подтянуть отодвинутые элементы. Существовали Союзы офицеров, которые митинговали и что-то делали, существовали верные части, он был Верховным Главнокомандующим. У него оставался конституционный долг. В конце концов, он мог признать произошедшее мятежом – и застрелиться. Или быть застреленным теми, кто хотел его свергнуть. Он не сделал ничего! Он сделал совсем другое. Он подписал указ, что Алла Пугачёва является последним народным артистом СССР и, как человек обладавший тонким политическим и даже метафизическим юмором, сделал это последним Указом Союза Советских Социалистических Республик. И после этого ушел с политической сцены. Ушел спокойно, в сторону, без всякой борьбы, и разведя руками. Такого практически не делал никто! Николай II подписал (или не подписал, об этом все спорят)

акт об отречении в чью-то пользу. Потом какие-то ещё процессы происходили на протяжении какого-то времени, но все монархи, которые оставались верны своему священному государственному долгу, так не поступали. Павел I говорил, что «вы можете убить меня, но я есть и останусь вашим императором!» И так поступали все. В этом смысле мне всё время вспоминается весьма двусмысленная песня Окуджавы со строчками: «Ах, если б вам служить на суше, да только б ленточки носить!» Политик не может служить на суше, но носить ленточки. Положение обязывает. Политическим лидером в стране оказался человек, на котором замкнулась вся ответственность за судьбу исторического Советского Союза. Мог он сопротивляться? Мог. Мог ли кто-то сопротивляться кроме него? Только незрелые общественные силы. Все зрелые общественные силы оказались в этот момент парализованными. Только замыкаясь на него, они могли быть в какой-то части политически активными. И они хотели быть активными. Поступали неоднократные обращения к Горбачеву, чтобы арестовать мятежников, подписавших «Беловежские соглашения». Поступали другие предложения. Он оставался верховным главнокомандующим и в конечном итоге, даже если у него не было политических сил в нужном количестве, он обязан был воззвать к народу, сказать, что его свергли. Он был обязан как Сальвадор Альенде, залечь в Кремле со взводом автоматчиков или с оставшимися верными ему людьми и умереть там. Это исторический долг человека, которому вручены гигантские исторические полномочия! Он исторический долг предал! Он в течение долгого времени занимался тем, чтобы конкурировать с Ельциным в деле развала и предлагать более радикальные модели развала, чем Ельцин. При этом каким-то образом проводя шуры-муры с консервативной частью политического спектра. Потом он эту часть так или иначе сдал, остался один. И вместо того, чтобы подтянуть остатки консерваторов и опереться ещё на кого-то, и в последнем поединке всё-

таки показать, что он – историческое лицо, он – человек, готовый вести борьбу до конца, человек, понимающий масштаб ответственности. То, что писала Анна Ахматова:

Мы знаем, что ныне лежит на весах

И что совершается ныне.

Час мужества пробил на наших часах,

И мужество нас не покинет.

Для Горбачева пробил не час мужества, а час трусости, предательства, слабости. Час, когда он показал, что, будучи международным интриганом, не является политиком великой страны. Политическим лидером, лицом понимающим, насколько роль в истории важнее жалких благ частной, мелкой и конечной человеческой жизни. Насколько это важнее! Он это всё сдал и ушел с политической и исторической сцены. На сцену пришел Ельцин. В результате этой тонкой, длинной интриги. Он пришел делать то, в чем он считал, состоит его окончательный и полный политический долг. Он пришел в результате тонкой и долгой борьбы, когда он был поставлен Горбачевым для того, чтобы бороться со все-ми консервативными силами, потом он вывел Горбачева из борьбы и вступил с консервативными силами в очень сложные отношения, которые надо разбирать отдельно и долго. Он пришел, и с этого момента встал вопрос о его исторической ответственности, его роли, его месте в великой истории великого российского государства. И в том, что он собирается делать с этой властью, как он намерен ею распорядиться, и в каком смысле государство, страна и история для него важнее личных выгод, личной, мелкой властной корысти, на что он готов, что он будет делать, с чем он пришел, с каким месседжем ... Он выиграл чудовищный поединок. Ему помогли выиграть в какой-то степени те, кто считал, что модель Горбачева хуже, чем модель Ельцина. Теперь возник момент истины. Этот момент состоял в том, что «ты пришел – открывай карты». Ты боролся за власть, интриговал,

вертелся, как каждый политик, который борется. Теперь тебе не надо бороться, власть у тебя. Что ты с ней исторически собираешься делать? Есть ты – и Россия, ты – и русская история, ты – и великая держава. Показывай, на что ты готов, на что ты способен и чего ты стоишь. Ельцин всё показал! Вслед за Горбачевым он показал всё!

Хроника: Осенью 1991 года по санкции центральных и республиканских властей рабочей группой Новоогаревского процесса был разработан новый проект договора по созданию Союза Суверенных Государств (ССГ) как конфедерации независимых государств, конфедеративного государства. Предварительное согласие на заключение 9 декабря 1991 года договора по созданию ССГ со столицей в Минске было дано 14 ноября 1991 года только семью республиками: Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Россией, Таджикистаном, Туркменией и Узбекистаном. Две республики, в которых накануне состоялись референдумы о независимости, Армения и Украина отказались войти в конфедеративный союз.

Хроника: 8 декабря 1991 года президенты трех государств (Республики Беларусь, России и Украины) на встрече в Беловежской пуще, «отмечая, что переговоры о подготовке нового союзного договора зашли в тупик, объективный процесс выхода республик из состава Союза ССР и образования независимых государств стал реальным фактом», заключили Беловежское соглашение о создании Содружества Независимых Государств – межправительственной и межпарламентской организации, не имеющей статуса государства.

БЕЛОВЕЖСКИЙ СГОВОР

Кургинян: Во всём, что касается Беловежья, история давно расставила точки над *i*. Это было совершенно феноменальное событие, которого многие не ждали. Вот тут окончательно оформившееся перед этим, что «власть берем для реализации ненависти», что даже позитивная программа носит характер частных развлечений на подиуме этой ненависти, что

больших созидательных целей нет, что на Россию по большому счету наплевать, что власть по существу существует ради власти, – вот всё это оформлялось перед Беловежьем и излилось прямо в Беловежье. Беловежье – это было таким плевком в лицо всем народам Советского Союза. Дело не в том, что оно растоптало референдум. Есть вещи и посерьёзнее. Очень многие забыли, что высшим органом власти в РСФСР, которая на момент Беловежья ещё не стала Российской Федерацией, был Съезд народных депутатов РСФСР. В отличие от Съезда народных депутатов СССР, который был парализован с момента провала ГКЧП и ареста Лукьянова, «подозревавшегося» в скрытом участии в ГКЧП, что было неправильно, он в нем не участвовал. Съезд народных депутатов СССР по высоким демократическим нормам был не до конца легитимен, потому что депутаты избирались от профсоюзов, от армии, от партий целые группы, корпоративное избрание. Это никого не смущало, пока Сахаров и другие не имели возможности реализовывать свои действия вместе с Горбачевым. Но, как только съезд оказался скомпрометирован событиями августа 1991 года, то можно было предъявить к нему очень многие требования. Кроме того, руководители многих союзных республик поуводили союзные делегации. Эти союзные делегации уже понимали, что подчиняться они должны союзным республикам, а недохнувшему московскому центру. Итак, Съезд народных депутатов СССР был не до конца демократичен по своей конструкции. К нему можно было предъявить в этом отношении претензии. И после ГКЧП существовал как непонятная величина в разваливающейся стране. Дело не в нем, его отложим в сторону. Понятно, почему его никто не спросил, хотя и это было юридически неправильным. И преступным, как было преступным то, что был растоптан референдум о единстве Советского Союза. Но самое загадочное и опасное для тех, кто всё это делал в исторической перспективе, для наследников всего их дела, заключается в том, что Съезд народных депутатов РСФСР не

ратифицировал Беловежские соглашения. Просто сейчас забыли, что власть была двухэтажной. Съезд выдвигал из своего состава Верховный совет как постоянно действующий орган. Так Верховный совет ратифицировал Беловежские соглашения, а съезд – нет. А без ратификации съездом все решения Верховного совета не значили ничего! И было даже не понятно, почему это не вынесли на съезд? По тем временам, возможно съезд всё это и подтвердил. Но это не было сделано! Поэтому никакой правовой легитимности в действиях «беловежцев» не было по отношению к России. Россия никогда не делала легитимным Беловежские соглашения. А Съезд народных депутатов РСФСР был абсолютно демократически легитимен. Он избирался прямым голосованием по всем нормам демократической практики. Это было общенародное избрание. Очень демократическое, свободное. С большим количеством участвовавших партий, с очень разношерстными в итоге депутатами. Почему нельзя было поинтересоваться их мнением? Это было прологом к будущему расстрелу этого съезда в 1993 году! Он уже никого не устраивал. Но на 1991 год он был единственным законным органом. И его вообще не спросили. Это первое. Второе – никто не уполномочивал эти республики, чтобы подобным образом прекращать существование государства. Подобной процедуры не существует. Подобная процедура существует в одном единственном случае – безоговорочной капитуляции. Страна, которая безоговорочно капитулирует, заявляя тем самым, что её нет на карте и с ней можно делать всё, что угодно. В этом признание военного поражения и оформление неких договорных отношений без безоговорочной капитуляции отличается от безоговорочной капитуляции. При безоговорочной капитуляции страна говорит: «меня нет». А в случае, когда страна подписывает любой военный договор, она есть. Советский Союз не потерпел поражение в войне, не подписал ни от чьего лица безоговорочную капитуляцию, и в этом смысле он существовал. Как

только он существовал, то он не мог исчезнуть по сговору нескольких людей, ратифицированным в дальнейшем какими-то парламентами. Он так исчезнуть не мог! Это не вопрос, нравилось ли это депутатам. У депутатов не было полномочий распускать государство. У них были полномочия функционировать в этом государстве определенным образом – и всё! Вопрос же здесь заключается даже не в том, что надо было сохранять Советский Союз или нет. Вопрос о судьбах десятков миллионов людей. Почему эти люди в один момент, из-за того, что кто-то что-то подписал, должны были оказаться крепостными на чужих территориях? С которых их потом их начали теснить и они оказались в статусе беженцев. Кто дал право так распоряжаться судьбами сограждан? Исторической судьбой? Это же страна. Это же не яблочный пирог – испекли, разрезали на части и скушали. Это страна. У неё есть историческое прошлое. С того момента, как люди так поступили, они всё о себе сказали. Кроме того, если все разговоры «русской партии» до этого момента замыкались на том, что надо убрать чурок – Кавказ и Среднюю Азию. О том, чтобы убрать Украину и Белоруссию, никто никогда не говорил. Кто суверен в демократическом государстве? Мы защищаем суверенитет своего государства. Кто суверен? Ведь это не король суверен, как при абсолютизме, при монархии? Суверен – народ. Белорусскому народу нужен суверенитет от русского? Зачем? В каком смысле? Так значит это не народы, не союз народов – федерация территорий? Это союз элит, которые, когда хотят – склеивают, когда хотят – делят на части. Следующий вопрос – ещё более глубокий: как быть с отдельными территориями как Крым, которые никогда не входили в состав Украины, чтобы потом их навечно приковывать к данному государству. Они условным образом на основе свойственного той эпохе волюнтаризма передавались из стороны в сторону. Дальше начинался самый острый вопрос. Если уж так важны народные волеизъявления, то почему

волеизъявление Приднестровья не надо учитывать? Ведь есть субъекты, которые не входили в состав Грузии или Молдавии никогда. Они входили в состав Советского Союза. С того момента, как Советского Союза нет, кто может приковать их цепями к другим территориям? Они тоже имеют право свободного волеизъявления. В Приднестровье всегда действовали по демократическим нормам, никогда не было национализма, погромов. Почему они всё время заявляют о своем желании быть в определенном статусе, а им говорят: нет. Нет, почему? Потому что в советское время вас передали Молдавии. Как территорию. Молдавия не была государством и никогда на эти территории не могла претендовать. Их передали произвольно. И после демонтажа действующего субъекта обладают полной свободой самоопределения. А дискриминация населения в отделившихся республиках? Нельзя было защитить права русских на этих территориях, что привело бы к совершенно другим политическим последствиям? Это не было сделано потому, что нужно было быстро-быстро, любой ценой, с любыми издержками закреплять свою власть. По указаниям даже не всего американского бомонда, а его части, существенно состоявшей из украинских этнических элементов, если уж говорить о внутренней кухне того, как это всё организовывалось. Вот что там произошло. И по самому большому метафизическому, экзистенциальному счету именно в этот момент стало ясно, что взявшему власть субъекту на русских и Россию наплевать! Никакого она для них значения не имеет. Никакой любви к ней нет. Они готовы заплатить всем за то, чтобы сидеть в определенном кресле и куражиться на определенный манер. Не скажу, только обогащаться, но куражиться. Никакого исторического проекта, никакой идеологии, никакого нового представления о своем величии. Французские революционеры-якобинцы, когда брали власть, то они молились на великую Францию, клялись, что они сделают Францию более великой. И нет ничего более разоблачительного, чем сравнение этих

демократоидов или либероидов, осуществивших все эти дела, с французскими якобинцами. Потому что там была великая идея, мечта о великой новой Франции, которую они воссоздадут, и она будет более могущественна, чем Франция перед этим. Отсюда наполеоновские войны и многое другое. В этом смысле Наполеон и душитель якобинцев, и их наследник. Здесь же не было ничего! Вдруг народы, ахнув, увидели, что то, что по их кредиту доверия взяло власть, – мелкое, безлюбое и ужасно антирусское в том смысле, в каком якобинцы не являлись антифранцузскими. В том смысле, в каком победившая буржуазная или другая власть стремится к увеличению возможностей государства, которое теперь стало их. Когда цена государства, страсть по государству, «вот, что мы теперь получили!» Нет драйва, нет амбиций настоящих, нет масштаба, нет исторического ветра в парусах – ничего этого нет! Ни у несчастной буржуазии, которую они стали конструировать, ни у самого этого конструктора. Это стало ясно прямо в момент, когда это всё делалось. И внутренне очень многие тогда вздрогнули от окончательного отвращения. Другое дело, что от момента отвращения до момента прозрения была целая эпоха. Но внутреннее ощущение, что это совсем не то, возникло сразу, вместе с беловежским актом по всем тем причинам, которые я описал выше и по многим другим тоже. Что такое Россия без Украины, что такое Россия без Белоруссии? Понять было нельзя. Ну, без Кавказа, без Средней Азии. Или мы от славян тоже освобождаемся? И в этом великий замысел тайной «русской партии», ставленником которой являлся Ельцин? Да нет! Стало ясно, чьим ставленником он является, окончательно. И что русским духом здесь и не пахнет. Есть такой блажной кураж, точное понимание, как власть удерживать, и нет исторического смысла, исторической мечты, исторической логики прихода к этой власти. И когда потом я обсуждал эту тему с весьма близкими Ельцину людьми и сказал, что, может быть, потом у него проснется чувство исторической вины и ответственности, роли в

истории, то было сказано «ой, я Вас умоляю, какая ещё роль в истории, какая история, о чем Вы говорите!» Можно потом сколько угодно возводить памятники, но эти слова с внутренних скрижалей не сотрешь! На них всё навеки записано деяниями. Политик измеряется его историческими деяниями и не деяниями. Это «измерено, взвешено и найдено легковесным!» И другого уже приговора никогда не будет!